

Марат Замирович МУСИН / Marat MUSIN

| Парадигмы смерти / Paradigms of Death |

Марат Замирович МУСИН / Marat MUSIN

*Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, Ярославль, Россия
Кафедра философии, доцент, кандидат философских наук**P. G. Demidov Yaroslavl State University, Russia
Department of Philosophy, Associate Professor, PhD
mu_sin@mail.ru*

ПАРАДИГМЫ СМЕРТИ

Статья посвящена раскрытию парадигм (метафизических образов) смерти, присутствующих в опыте смерти и его осмыслении в культуре. «Смерть живая» – метафизический образ, лежащий в основании культуры преמודерна (традиционного общества) и модерна. В преמודерне необходимо выделить две концептуальные формы: манифестационизм и креационизм. Являясь круговоротом самого по себе неподвижного Сакрального, жизнь в магическом мире манифестационизма носит абсолютный характер. Это жизнь, которая не исключает смерть, поэтому смерть в одном состоянии есть в то же самое время рождение в другом. Абсолютная смерть как уничтожение и отсутствие является себя в монотеистическом креационизме. Смерть здесь уже не источник и мера жизни, а ее предел, который пролегает как рубеж, разделяющий Время и Вечность. Креационистский опыт смерти как рождения Духа, трансцендентального Субъекта получает свою концептуализацию в дуалистической метафизике Декарта, который выдвинул монотеистическую альтернативу тезису о тождестве бытия и мышления, лежащего в основе высокой языческой (домонотеистической) метафизики – индуизма и античной философии. «Смерть Бога» как центральное событие модерна, с одной стороны, представляет собой порождение Человека как смыслообразующего субъекта, а с другой, – опредмечивание трансцендентального Субъекта, его редукцию к «Я», имманентизацию, «очеловечивание». В антропоцентристском мире опыт смерти есть опыт порождения индивидуума – совершенно новой модальности человеческого бытия по сравнению с парадигмой сакроцентризма. Постмодернистский

метафизический образ смерти можно обозначить как «Смерть мертвая». Эта смерть стерильна, она ничего не порождает, а способна только к уничтожению, омертвлению жизни. Постмодернистский человек (дивид) не может умереть, так как он и не живет.

Ключевые слова: метафизический образ, смерть, преמודерн, модерн, постмодерн, манифестационизм, креационизм, Декарт, субъект, индивидуум, дивидуум.

PARADIGMS OF DEATH

The article is devoted to the paradigms (metaphysical images) of death and its reflection in culture. One identifies two conceptual forms in premodern condition: manifestatsionizm and creationism. Death as absolute annihilation and the absence manifests itself in the monotheistic creationism. Death here is not the source and measure of life, and its limits. «Death of God» as the central event of modernity is a product of man and the objectification of the transcendental subject. In the anthropocentric world the experience of death is the experience of generating the individual – an entirely new modality of human being in comparison to the sacrocentric paradigm. The postmodern metaphysical image of death can be described as «Death dead». This death is sterile; it does not produce anything.

Key words: metaphysical image, death, premodern, modern, postmodern, manifestatsionizm, creationism, Descartes, subject, individual, dividuum.

Марат Замирович МУСИН / Marat MUSIN

| Парадигмы смерти / Paradigms of Death |

Смерть, если использовать определение Владимира Янкелевича, есть «эмпирико-метафизический монстр»¹. С одной стороны, перед нами универсальный феномен: все, что есть, – конечно, появляется и исчезает, обречено на гибель. С другой – мы касаемся непостижимой трансцендентной тайны, ибо, несмотря на фактическую очевидность смерти, живой человек не имеет ее непосредственного опыта, он лишен возможности описать смерть «изнутри», как нечто пережитое и прочувствованное. Смерть всегда выступает «извне» как смерть другого, в то время как смерть собственная остается постоянно отодвигаемой в будущее возможностью, созерцаемой в представлениях и образах на экране дискурсивного мышления. Поскольку понятие смерти лишено наглядности и содержания, постольку «мыслят не смерть, не пустоту, не ничто; мыслят его неисчислимы метафоры – как способ очертить непомысленное»². Смерть поэтому есть метафора жизни, иносказательное, косвенное раскрытие ее смысла, а язык, рискующий говорить о смерти, неизбежно метафоричен.

Смерть в фокусе философского исследования предстает не как эмпирическое событие, а как *форма*, ограничивающая всякое сущее в пространстве и времени, определяющая бытие небытием. Поэтому противопоставление Жизни и Смерти, Бытия и Ничто условно и, по существу, неверно: смерть всегда уже есть «здесь и теперь» и только «здесь и теперь». «Смерть в широчайшем смысле, – утверждает Мартин Хайдеггер, – есть феномен жизни»³. Феномен, добавим мы, придающий жизни то, что в ней *отсутствует*, – бесконечность. В метафизическом смысле мышление о смерти есть погружение конечного существа в актуальную бесконечность «hic et nunc», во внутреннюю трансцендентность, неожиданно открываемую в непрерывной имманентности сущего.

¹ Янкелевич В. Смерть. М., 1999. С. 10.

² Харт Ниббриг Кристиан Л. Эстетика смерти. СПб., 2005. С. 21.

³ Хайдеггер М. Бытие и время. М., 1997. С. 246.

Такое всеприсутствие смерти создает возможность действительного и уникального опыта смерти. При этом особое положение человека в том, что в нем смерть осознает себя. Лишь ему, как считал Лев Шестов, может быть даровано многооким ангелом смерти иномирное «второе зрение» – способность видеть все с точки зрения смерти. Человек, перед которым проходит непрерывная череда становления, бесконечный поток уничтожения, не только знает, что всему являющемуся суждено исчезнуть, но и понимает свое бытие как смертное. Исключительно он может помыслить свою смерть, впустить ее в свой внутренний мир и выстроить свою жизнь в перспективе неизбежного ее конца.

Именно человек создает культуру как способ противостояния смерти, форму сохранения и передачи жизни. Такой статус культуры предполагает наличие в ней смерти как «социального института», как некоторой структуры, постоянно воспроизводящей определенный опыт и сознание смерти. Социальный институт смерти, являясь фундаментальным смыслопорождающим механизмом культуры, определяет ее специфичность. Каждая культура, считал Освальд Шпенглер, пробуждается с новой идеей о смерти. «Взгляд на смерть», в котором можно угадать судьбу культуры, – это уникальный метафизический образ смерти, присутствующий в опыте смерти и его осмыслении.

История культуры была потрясена чередой метафизических смертей: смерть Бога, автора, субъекта, человека. Приходит черед смерти самой Смерти – смерть уходит из нашей жизни. Постмодернистское общество создает постчеловека, не придающего смерти никакого значения, вытесняет из его сознания тревожную мысль о том, что он неизбежно умрет, подавляет голос совести как единственного свидетеля его жизни. Поэтому смерть становится пустым знаком, который ничего не означает, в том числе и само Ничто. Смерть с пустым значением и есть абсолютная смерть, а постмодернистская культура – репрезентация абсолютной смерти.

Жан Бодрийяр показал, что в современном

Марат Замирович МУСИН / Marat MUSIN

| Парадигмы смерти / Paradigms of Death |

обществе нарушается закон символического обмена жизни и смерти: социальная энергия направляется не на этот обмен, а на исключение смерти из жизни. Целью ставится аккумуляция жизни, которая трансформируется в «живую» смерть. Поскольку смерть понимается как угроза жизни, то последняя становится выживанием и работой по отсрочке смерти. В итоге очищение жизни от смерти приводит к безжизненной жизни, потерянной попусту в симуляции. Закон символического обмена не обмануть: смерть, изгнанная из жизни, заполняет ее⁴.

Постмодернистский метафизический образ смерти поэтому можно обозначить как «*Смерть мертвая*». Эта смерть стерильна, она ничего не порождает, а способна только к уничтожению, омертвлению жизни. Постмодернистский человек не может умереть, так как он не живет.

«Смерти мертвой» противостоит «*Смерть живая*» - метафизический образ, лежащий в основании культуры премодерна (традиционного общества). В премодерне необходимо выделить две концептуальные формы: манифестационизм и креационизм. *Манифестационизм* придает сущему смысл иерофании (определение Мирче Элиаде), то есть явления сакрального. *Креационизм* утверждает творение сущего трансцендентным Богом из Ничто.

Являясь лишь круговоротом самого по себе неподвижного Сакрального, жизнь в магическом мире манифестационизма носит абсолютный характер. Это жизнь, которая не исключает смерть, поэтому смерть в одном состоянии есть в то же самое время рождение в другом. Смерть здесь – «катализатор трансформации, переход в иную модификацию бытия»⁵. Смерть - источник жизни, из которого она не только проистекает, но и очищается им. Именно смерть придает жизни меру, а равновесие и соразмерность являются образцом докреационистского языческого космоса: если «идеал теизма – трансцендентный миру смысл, то идея

язычества – имманентная ему мера»⁶.

Событие смерти – встреча человека с сакральным, особый нуминозный опыт переживания присутствия «совершенно Иного» трансцендентного, который, как показал Рудольф Отто, вызывает у человека неповторимое сочетание чувства ужаса и восторга, благодарности и очарования, осознания собственной ничтожности⁷. Действительный опыт смерти невозможен без нуминозности, то есть сокровенного опыта затронутости таинственным и устрашающим сакральным.

Манифестационистская культура концептуализирует нуминозный опыт смерти в мифах и институционализирует его в погребальных ритуалах, инициатических обрядах и культе жертвоприношения, которые становятся образцами, определяющими все иные формы бытия человека в иерофаническом мире.

Однако смерть «как таковая» еще не знакома манифестационизму, в котором она лишь «обратная сторона медали существования, лицевая сторона которой – жизнь»⁸. Абсолютная смерть как уничтожение и отсутствие являет себя в монотеистическом креационизме, открывающем процесс десакрализации сущего. Догмат о творении мира трансцендентным Богом из Ничто полагает в бытии некий метафизический изъян, смысловую ограниченность, тем самым лишая его характера абсолютности и блага. Сакральное и бьющая из него жизнь концентрируется внутри единственного трансцендентного Божественного Субъекта, при том что имманентный мир, лишенный собственной жизни, становится сам по себе мертвым. Смерть уже не источник и мера жизни, а ее предел, который является не ее концом, а краем, высшим напряжением, пролегает как рубеж, разделяющий Время и Вечность. Смерть уничтожает временное

⁶ Аверинцев С.С. Язычество // Философская энциклопедия: В 5 т. М., 1970. Т. 5. С. 611.

⁷ Отто Р. Священное. Об иррациональном в идее божественного и его соотношении с рациональным. СПб., 2008.

⁸ Джаммария. Эта неизвестная алхимия. Москва-Воронеж, 2011. С. 80.

⁴ Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М., 2006.

⁵ Головин Е. Мифомания. СПб., 2010. С. 59.

Марат Замирович МУСИН / Marat MUSIN

| Парадигмы смерти / Paradigms of Death |

существование, но открывает перспективу вечной жизни. Именно в монотеизме смерть начинает пониматься как абсолютно реальное событие, ибо, только приняв смерть всерьез, можно жить с верой в спасение.

Креационистский опыт смерти – это опыт жизни на грани между Временем и Вечностью, опыт Ничто, переживание которого должно раскрыть человеку его собственную конечность, в присутствии которой жизнь становится осознанной, является «жизнью Духа» (Гегель), то есть жизнью собственно человеческой, способной достигнуть своей полноты и завершенности. Человеческое существование, пройдя через опыт смерти как «рождения Духа», становится смертью, осознающей себя: человек, будучи конечным по самой своей сущности, только в сознательном принятии факта своей конечности достигает смысла своего существования, который, таким образом, становится неотличим от смысла смерти.

Традиционная метафизика смерти в целом (манifestационизм и креационизм) создает культуру сопротивления и покорения Времени, цивилизацию вечного, неизменного и единого Бытия. Сила традиционных культур «проявлялась именно в их идентичности, в победе, одерживаемой ими над становлением, над «историей», изменением, бесформенной текучестью. Они обладали прочной корневой системой, уходящей в глубину, далеко за пределы текущих, переменчивых вод»⁹. И если манифестационизм исходит из концепции времени как «подвижного образа вечности», имеющего циклический и периодический характер, то креационизм трактует время как линейное и необратимое, то есть как «историю».

Отношение ко Времени определяет особенности способа приобщения к Вечности. Как показали исследования Марселя Мосса¹⁰ и Мирче Элиаде¹¹, ритуалы архаичных обществ выражают стремление вырваться из течения мирского време-

ни, обуздать становление, вернуть время к истокам, погрузиться в постоянство сакрального времени, актуализировать метафизические структуры, заложенные в мифе. Смерть и есть возврат в изначальное время («правремя») как источник вечной молодости и обновления. Креационизм же совершает метафизическую революцию: свергает власть Бытия и Времени как его бесконечной формы, обнажает ничтожность бессмысленного круговорота существования. Спасение от смерти – в радикальном прыжке в Вечность как *отсутствие* Времени. Такая точка «здесь и теперь», в которой останавливается Время и Сущее перестает Быть, обнаруживается внутри индивида и есть он сам как чистая трансцендентность, как разрыв в Сущем, как Единственный, который уже знает свою смерть, свое неотвратимое обращение в Ничто. В отличие от манифестационистских ритуалов, основанных на постоянном возобновлении определенных действий, креационистский опыт смерти предполагает «движение» веры, то есть внутреннее экзистенциальное усилие индивида, его волю к смыслу.

Креационистский опыт смерти как рождения Духа, трансцендентального Субъекта получает свою концептуализацию в дуалистической метафизике Декарта, который выдвинул монотеистическую альтернативу тезису о тождестве бытия и мышления, лежащего в основе высокой языческой (домонотеистической) метафизики – индуизма и античной философии. Бытие в манифестационистском понимании абсолютно и неотделимо от свидетельствующего о нем мышления. Отдельность мыслящего существа – только иллюзия, которая исчезает в метафизическом созерцании тотального всеединства сущего в Первоначале, в достижении безусловного тождества Объекта (Брахман в индуизме или бытие у Парменида) и Субъекта (соответственно Атмана и мышления). По существу, познание бытия становится актом умирания, а смерть – актом познания мыслящим существом иллюзорности своей отдельности (эмпирического «ложного Я») и растворением в едином, безразличном сакральном Бытии, уже неотличимым от Ничто.

Декарт, для которого «восприятие Бога бо-

⁹ Эвола Ю. Лук и булава. СПб., 2009. С. 38.

¹⁰ Мосс М. Социальные функции священного: Избранные произведения. СПб., 2000.

¹¹ Элиаде М. Миф о вечном возвращении. СПб., 1998.

Марат Замирович МУСИН / Marat MUSIN

| Парадигмы смерти / Paradigms of Death |

лее первично, нежели восприятие самого себя»¹², попытался уничтожить гипнотизирующий дух манизм, разрубить священное тождество бытия и мышления. В картезианстве Субъект (сам принцип мышления) предстает как альтернатива и абсолютная оппозиция по отношению к бытию, как его отрицание, как то, что *не есть*, а существует только потому, что мыслит, то есть созерцает, свидетельствует о бытии. Иначе говоря, личное существование в форме мыслящего Я является способом бытия самого по себе *отсутствующего* Субъекта. Уже сам акт самосознания ограничивает бытие, лишает его святости – ореола безусловности и тотальности. Сакральное стягивается в точку cogito, а бытие превращается в то, что ему противоположно, то, что простирается перед субъектом, в объект. Иначе говоря, мыслящий себя существующим вне всяких измерений картезианский Субъект обнаруживается как Ничто Бытия.

Радикализм монотеистического дуализма Декарта совершенно чужд традиционной метафизике тождества. Человек, не способный избавиться от своеобразного «онтологического инстинкта» представлять мышление принадлежащим бытию, постоянно пытается отождествить Субъекта с собой в разных формах и прежде всего в форме «Я». В картезианской парадигме «человек» – это объект, обладающий возможностью относиться к совершенно Иному – Субъекту, с определенной связью с Субъектом. Смерть – это чистое отсутствие, иное бытию, это, то чего нет, – это Субъект. То есть, умирая, становясь тем, кого нет, «Я» оказывается Субъектом. «Истинное Я» – это связь индивида с трансцендентальным Субъектом (смертью), которая существует только актуально, то есть «здесь и сейчас», которое не является ни моментом, ни прошлым, ни будущим, а которое является в нас чистым «теперь» вне времени (в настоящем).

Пресловутая «Смерть Бога» как центральное событие *модерна*, с одной стороны, представляет собой порождение Человека как смыслообразующего субъекта, а с другой, опредмечивание

трансцендентального Субъекта, его редукцию к «Я», имманентизацию, «очеловечивание». В антропоцентристском мире опыт смерти есть опыт порождения *индивидуума* – совершенно новой модальности человеческого бытия по сравнению с парадигмой сакроцентризма. Монотеистическое понятие *личности* относится прежде всего к Богу, а затем и человек мыслится как личность, созданная по образу и подобию Божьему. Личность есть нечто бесконечно ценное, трансцендентное, свободное и уникально-неповторимое в каждом человеке, открытое ко всем другим личностям и всему сущему. Поскольку личность – это превосходящая человека божественная форма, постольку ни один человек не является личностью в полной мере, но становится ею в духовном восхождении к Богу, преодолении эмпирического Я, в умирании для мира. Индивидуум же есть неделимое, самоценное, разумное и телесное человеческое существо, отделенное от духовного и социального контекста своего существования, хотя и связанное с ним. Это отдельный человек как таковой, принятый за неразложимую цельность, не имеющую частей.

«Индивидуум» (как и «личность») является идеальной формой человеческого бытия в модерне и потому требует от реальных людей преодоления наличного состояния и самопожертвования. «Индивидуумом» становятся в поиске Смысла жизни, который является профанической модификацией религиозного спасения, «вторым рождением». Если в премодерне человек призван преодолевать свои границы в религиозном культе и символически ориентированном бытии, стараться «стать Иным», то в модерне человек призван укреплять свою самотождественность, «обрести себя», «быть самим собой».

Водоразделом между модернистской и постмодернистской парадигмой смерти является психоанализ. Бодрийяр делает очень важное замечание о том, что у Фрейда «совершается переход от философической смерти как драмы сознания к смерти как инстинктивному процессу, вписанному в рамки бессознательного; от метафизики тревоги – к ме-

¹² Декарт Р. Сочинения в 2 т. Т. 2. М., 1994. С. 38.

Марат Замирович МУСИН / Marat MUSIN

| Парадигмы смерти / Paradigms of Death |

тафизике влечения»¹³. Психоанализ, раздробив целостного индивида на составляющие психики, не только снимает «экзистенциальную тревогу», но *освобождает смерть от субъекта*. Смерть уже не субъект, а принцип функционирования психики, ее первичный позыв и цель. Парадоксальным образом Фрейд возрождает манифестационистский метафизический образ смерти как возвращения к сакральному первоначалу, место которого теперь занято неорганическим, мертвым. Психоаналитическая философия смерти вскрывает тайный метафизический исток постмодерна – достижение Всеединой Тотальности в мертвом. Если в манифестационизме абсолютна жизнь, то в постмодернизме – смерть.

Освобождение смерти от субъекта означает то, что человек потерял собирающую его в единое целое очень тонкую связь с Субъектом как своей смертью и распался на бессмысленные фрагменты. «Смерть субъекта» и «смерть человека» – суть метафоры разложения внутренне собранного мыслящим Я индивидуума, на месте которого появляется «дивидуум» (термин Жюль Делеза¹⁴), человек делимый, который вообще не имеет центра. Он постоянно «становится» во всех вероятных направлениях, но никакого основного, магистрального направления у этого становления нет. «Дивидуум» – разорванный, смятенный, лишенный целостности человек постмодерна, у которого не одна идентичность, а несколько, и те в свою очередь бесконечно делимы. Это соотносится с тем, что внутри

дивидуума невозможно обнаружить какую-либо единую контролирующую инстанцию – самость как тот стержень, вокруг которого нанизываются те или иные идентификации. Дивидуум – это просто само по себе *пустое место* встречи множества противоречивых сил, стремлений и импульсов.

Явление дивидуума есть смерть субъектности и всего внутреннего, становящегося в постмодернистской ситуации неотделимым от внешнего. Смерть внутреннего Мира как последнего оплота сакрального оборачивается полным погружением сакрального в пустоту шизоидно-ризоматического симулятивного Мира дивидуума, в котором смерть исчезает как проблема, то есть умирает, порождая лишь мертвую жизнь.

Мертвая жизнь – это воплощенная смерть, которая, только проникнув в субъектное как самое сердце сакрального, может стать абсолютной и беспросветной реальностью для мышления. Лишь обнаружив мертвое в себе, приняв вызов смерти, мышление примет смерть как освобождающее начало и останется живым.

«Умирает и сходит на нет индивид как представитель слабеющих и обреченных на гибель порядков, – утверждал Эрнст Юнгер. – Через эту смерть должен пройти единичный человек, независимо от того, завершается ли ею его видимый для глаза путь, или нет, и хорошо, когда он стремится не убежать от смерти, а отыскать ее в наступлении»¹⁵.

¹³ Бодрийяр Ж. Указ. соч. С. 266.

¹⁴ Делез Ж. Переговоры. СПб., 2004. С. 230.

¹⁵ Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт; Тотальная мобилизация; О боли. СПб., 2002. С. 177.

